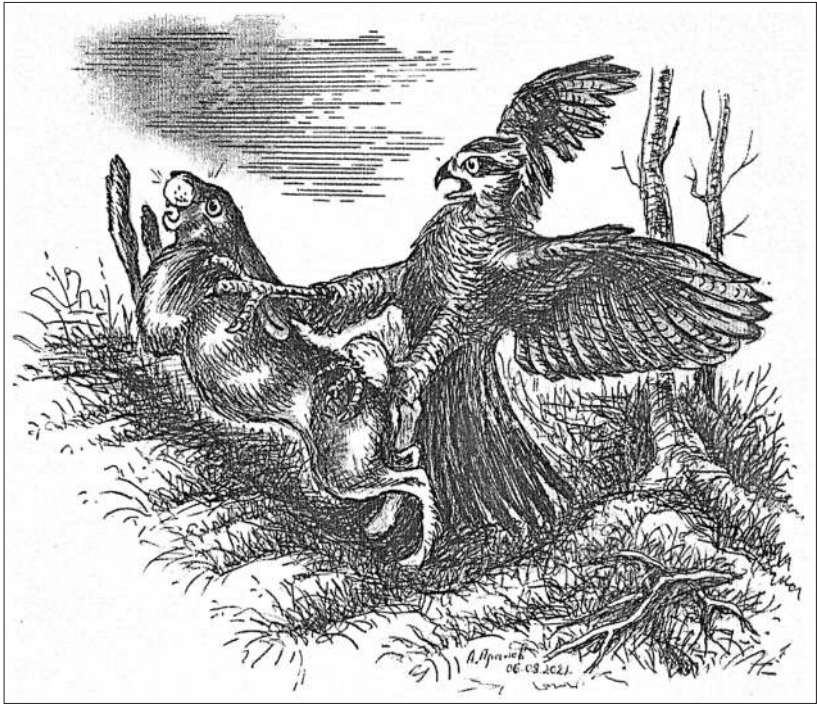

ЗЕМЛЕМЕР

Рассказ

Ненастное утро поздней осени. Ветрено, сыро; промозгло и неуютно даже в кабине машины. Шины монотонно шуршат по мокрому асфальту, навевая дремоту; полустёртые «дворники» также монотонно размазывают липкую морось по лобовому стеклу «УАЗика», мешая обзору, затушёвывая и без того смутное очертание дороги, ускользающей в предрассветные сумерки. За рулём Тужилин часто и широко зевает и, пригнувшись к рулю, ужасно тарашит глаза, вглядываясь вперёд, стараясь не захватить колесом сырую обочину. Он злится и на непогоду, и на частые выбоины на дороге, и на плохую видимость, и на своё собственное подавленное состояние. «Спать бы ещё да спать, как все хорошие люди, а тут... Каторга! – поёживаясь, думает он раздражённо, и даже шевелит губами, как бы произнося свои мысли вслух. – И когда уже пенсия!»

За три года до выхода на заслуженный отдых Тужилин неожиданно получил повышение по службе (старший землеустроитель в профильном комитете районной администрации), но вынужден был ездить на эту службу в соседний райцентр, за сорок с лишним километров. Ему повысили оклад, выделили кабинет, закрепили за ним ав-

томобиль, но водителя не дали, мизерной доплатой компенсировав такое неудобство (старым «УАЗиком» приходилось не только управлять, но и самому его обслуживать и ремонтировать). Всем этим Тужилин тяготился. Несколько согрело сознание того, что это унижительное повышение всё же положительно отразится на размере будущей пенсии, до коей уже рукой подать – полтора годика. А уж тогда...

Что будет «тогда», когда появится завидная возможность уйму свободного времени расходовать по своему усмотрению, Тужилин представлял туманно, как сегодняшнюю дорогу сквозь замутнённое брызгами стекло, но всё почему-то грезилось в розовом свете, в радужных тонах. «А что? – рассуждал он. – Крыша над головой есть, дети устроены, силы, слава Богу, ещё имеются... Хоть остаток-то дней пожить для себя, с удовольствием, без опостылевших ежедневных разъездов, хлопотных обязанностей, бумажной канцелярщины... В печёнках всё это сидит!»

Свою работу Тужилин, мягко выражаясь, не любил и, считая себя заложником обстоятельств, не мог дожидаться дня (часа, минуты!), когда с ней расстанется навсегда. На-все-гда!

В свете фар на раскисшей обочине, справа, неожиданно обозначилась одинокая фигура. Человек в офицерской плащ-палатке с поднятым башлыком, с ружьём, упрятанным от дождя в брезентовый чехол, неспешной, но твёрдой походкой уверенно шагал в попутном направлении. Впрочем, эта встреча была для Тужилина не такой уж и неожиданностью: он видел эту фигуру здесь и вчера, и третьего дня, и как-то ещё раньше, но лишь сегодня невольно подивился почти традиционному постоянству присутствия какого-то чудака в такую рань на дороге. «Вот неприкаянный! Носит нелёгкая...», – проворчал он раздражённо, но тут же осёкся, устыдился своих мыслей, вспомнив, что и сам когда-то бывал подвержен такой неприкаянности. А может, ещё и предстоит...

В это время охотник из осторожности посторонился и, пропуская мимо себя машину, оглянулся; Тужилин успел-таки за считанные секунды, пусть мельком, но различить черты незнакомца, показавшегося ему не такими уж и безызвестным: глубоко посаженные глаза, крупный нос, волевой подбородок... Неужто он, «Голиаф»? Резкие морщины и по-стариковски запавший рот выдавали изрядный возраст человека с ружьём, а его наперекор годам сохранившаяся стать и уверенная поступь навеяли Тужилину воспоминания о временах своей теперь уже такой далёкой, безвозвратно, но не бесследно минувшей молодости, насыщенной охотничьими приключениями. Кажется, именно тогда, сорок лет назад, он впервые увидел эту странным образом надолго запомнившуюся фигуру с завидной офицерской выправкой.

* * *

Их встреча была одноразовой и носила абсолютно случайный характер, если только в жизни вообще бывают случайности. Могла она, как многое бывшее, окончательно стёрться за столько лет (десятилетий!) из памяти, если бы не одно сопутствующее их непродолжительному общению незабываемое обстоятельство: произошла встреча в самый первый день охоты Сани Тужилина, тогда ещё студента сельхозтехникума, в качестве полноправного охотника, чей законный статус подтверждался всеми необходимыми бу-

магами. Всё! Уже ты не букашка! Не надо, в страхе нарваться на протокол, шарахаться от каждого куста, стороной обходить всякого встречного, боясь, что попросит показать документы. Вот они, во внутреннем кармане куртки, под булавкой, предусмотрительно упакованные в целлофановый пакет: новенький охотбилет, разрешение на двустволку тульского производства, путёвка на отстрел зайца и лисы... Что ещё? Не придерёшься! Новоиспеченный приверженец Артемиды ликовал. Саню даже подмывало, чтобы его кто-нибудь остановил, проверил, а он, преисполненный чувством собственного достоинства, в ответ неспешно, по-взрослому предъявил бы всё необходимое, а после и сам, быть может, вежливо попросил бы представиться проверяющего. Может, поэтому, завидев вдалеке охотника, идущего по припорошенному снегом полю озимых, Саня Тужилин смело устремился ему наперерез...

Яловые сапоги, укороченная и безупречно по фигуре подогнанная шинель, переваченная в талии широким ремнём, цигейковая шапка с синим пятном на месте снятой армейской кокарды – всё с ног до головы выдавало в незнакомце человека основательного, с претензией на шик, а изящное ружьё с прямой английской ложей и переброшенный за плечи добытый русак, за лапы стороченный сыромятным ремешком, – ещё и удачливого стрелка, опытного охотника. Ну, прямо «прегордый Голиаф в сияющих доспехах». Саня даже как-то застеснялся своего затрапезного вида – стоптанные валенки, засаленный ватник без двух пуговиц, потёртая кроличья ушанка... В сравнении со стройным и опрятным красавцем ущербность подобной амуниции воспринималась просто карикатурно. Смутьившись до покраснения щёк, Саня даже не поздоровался и уже сожалел о встрече, которую запросто можно было избежать. «Сам, сам захотел», – корил он себя...

Вспомнив и как бы вновь пережив этот эпизод времён далёкой юности, Тужилин поймал себя на том, что довольно улыбается. Ему, видимо, приятно было вспоминать себя именно таким наивным и неискушённым, стыдливо заливающимся румянцем даже по такому, казалось бы, пустяковому случаю. «Стареем, здоровье латая, свет белый бывает не мил... Вернись же, пора золотая, я б заново всё повторил!» – услужливо подсказала память чьи-то строки, соответствующие ностальгическому настроению. Верно говорят, что старость наступает тогда, когда воспоминаний становится больше, чем планов на будущее...

«Ну, что, приятель, тоже самотопом, без собаки? Давай пробовать сообща, всё веселей! – без всякого высокомерия, запросто, словно старому знакомцу предложил «Голиаф», как для себя успел определить незнакомца Саня. – Что молчишь? Соглашайся!» Доброжелательный тон и приветливая улыбка вывели сникшего духом Саню из нелепого ступора. Поступившее предложение казалось не только лестным, но и дельным. В одиночку наматывать километры по бескрайним полям озимых, с разбросанными там и сям островками непролазных кустарников, было почти бесперспективно даже по свежей пороше, а снег – неглубокий, сухой, больше похожий на осеннюю шершавую крупку – лежал уже с неделю. Совместно с опытным напарником можно попробовать организовать небольшие загоны, что, несомненно, увеличит шансы на успех. Саня согласился...

Хитрость таких «минизагонов» невелика: один стрелок с ружьём наизготовку становится на заранее условленное место с хорошим обзором и безопасным сектором

стрельбы, а другой заходит с противоположной стороны кустов и начинает как можно громче шуметь, стараясь выгнать предполагаемую дичь из крепи «на номер». А тут уж не зевай! Роли стрелка и загонщика по очереди меняются, трофей достаётся меткому счастливчику...

Первые две попытки не дали результата. А вот третья... Третья запомнилась Тужилина навсегда, и даже теперь, спустя сорок лет, вспоминая тот случай, он невольно испытывает чувство стыда и досады: мальчишка!

* * *

Им тогда повстречалась поросшая сухим камышом болотинка, вокруг которой снег был буквально испещрён следами: заяц, лиса, хорь или норка, мышинные наброды... «Номер» согласно очереди достался Сане. «Будь начеку, здесь должно повезти!» – дал краткое наставление «Голиаф», отправляясь в загон. В ответ молча кивнул головой молодой да ранний, снимая с плеча ошутимо потяжелевшую за день «тулку»: понимаю...

Дальше всё как во сне. То ли от усталости (а походить пришлось), то ли от нахлынувших эмоций, или ещё от чего (теперь и не припомнишь), оставшись один, Саня на номере замечтался. Блаженная улыбка, блуждающая на губах, и отстранённый взгляд служили подтверждением того, что мысли его витали в облаках. Словом, забылся романтик... Когда же прямо под ноги из камышей выскочила лиса-огнёвка, он опешил и, забыв про ружьё в руках, с вытаращенными глазами стал дико кричать неизвестно кому: «Лиса! Лиса!» Огнёвка не стала дожидаться конца Саниной «оратории», молнией сверкнула наискосок по чистому полю и, даже не оглянувшись, скрылась, спасая шкуру, в глубине прилегающего к полю оврага. Запоздало, скорей для оправдания, чем из необходимости, прозвучал дуплет тозовской двустволки по уже невидимой цели, в «белый свет как в копейку». Со стыда сгореть! Злой на себя, просто «убитый» этим дурацким выстрелом, Саня Тужилин, не дожидаясь напарника, чтобы не объясняться виновато и униженно, поплёлся домой. Получается удрал, или ещё хуже – дезертировал...

* * *

Возвращался Тужилин в тот день раньше обычного, сразу после обеда. Гнетущая утренняя непогода прекратилась, и даже клочки синевы кое-где проглядывали в разрывы серых туч, но уныние не покидало: к скверному настроению добавилась ещё и физическая усталость. Давило на виски, на глаза, хотелось выйти на воздух, размять ноги.

Ещё издали опять увидал он охотника, чья уже почти привычная фигура с утра навевала столько воспоминаний. Обогнав путника, Тужилин свернул на обочину, заглушил мотор, вышел из кабины.

– Моё почтение! Похвалитесь, если не секрет, что заполевали, – шагнув навстречу, обратился он к знакомому «незнакомцу», стараясь интонацией расположить к доверительной беседе и одновременно пристально вглядываясь в его лицо – он ли? Да, он! Постарел, заметно осунулся, далеко не тот добрый молодец, поразивший когда-то вооб-

ражение, но несомненно он. –

– Заполевал-то? – переняв непринуждённую манеру общения, переспросил охотник, поравнявшись с Тужиным. – Ну, какой тут секрет! Трофеи по нынешним временам классические: убил и время, и ноги – аж гудят. Причём без единого выстрела...

– В таком случае могу подвезти, садитесь! – предложил Тужилин, которому уже импонирует лёгкая, сразу располагающая к себе ирония собеседника. – Вам ведь в город? Боюсь показаться навязчивым, уж вы извините. Я и сам охотник, да вот нынче ни разу так и не удосужился...

«Нынче»! Когда он последний раз вот так беззаботно, в своё удовольствие ходил с ружьём? Да, года три назад по приглашению, в благодарность за какую-то услугу, участвовал в коллективной охоте, больше похожей на коллективную пьянку, даже кусок какой-то достался при делёжке... А чтобы вот так, самостоятельно, с интересом... Уж и забыл когда. Вот и приходится, чтобы сохранить лицо – «тоже охотник!» – хитрить, врать про «нынче».

– Подвезти? – человек в нерешительности, взвешивая «за» и «против», пожал плечами.

– Благодарю покорно – откажусь. Врать не стану, устал, но искушению не поддамся – откажусь. Пока ноги несут, нельзя расслабляться, себе потакать. Не считите за каприз. Да тут и осталось-то...

– Вольному воля, – пожал плечами и Тужилин, как бы выражая понимание, уважение чужим принципам. – Я, повторюсь, и сам тоже охотник, а вот нынче пороку и не нюхал, всё суета заедает. А вас какой день подряд встречаю, дай, думаю, попытаю: что встречается, есть ли дичь? Не спроста же человек ходит...

– Каждый день? Верно, верно, – легко подхватил тему охотник. – Мне и жена пеняет: когда, говорит, ты находишься, землемер? Уже все поля исходил, изучил не хуже агронома. А я не перечу, пусть себе ворчит. Утречком собрался, да и с богом, маршрут известен. Всё лучше, чем с ней целый день препираться, друг дружке кровь портить. Ногам нагрузка, а душе облегчение и даже праздник.

– Ну, а дичь-то, дичь? – не терпелось Тужилину.

– Дичь? Не стало дичи. Иной раз и ружья не расчехлишь – пустыня!

В вышине, переключаясь, хрипло проскрежетала чета воронов, едва различимая в мглистом осеннем небе. Собеседники как по команде задрали головы. Грай повторился.

– Вот и вся дичь за целый день, – с горькой ухмылкой подытожил «землемер».

Они помолчали.

«Не призна-а-ал... Оно и неудивительно, столько лет прошло! Может, напомнить?» – размышлял Тужилин, внутренне борясь с подмывающим желанием «раскрыть карты».

– Правда вчера случай был... Могу потешить, если не торопитесь, – прервал минутную паузу старый охотник, оценивающе поглядел на собеседника и, положив на капот чехол с ружьём, на секунду задумался: с чего начать? – Слушайте, не совру. Иду вчера по знакомым местам, созерцаю. Тишина и покой, всё как вымерло. Вдруг слышу – за балочкой заросшей война: кто-то крыльями бьёт, кто-то верещит. Да пронзительно так верещит, как младенец. Поспешил туда, вижу: ястреб русачка прилучил, дерёт. А тот – брык на спину и задними лапами как засучит-засучит, да с криком! Больше от ужаса, а может, и сам напугать старается. И такая потеха до трёх раз на моих глазах. Что ты думаешь?

Отбился! Тогда только я про ружьё и вспомнил, да где там – поздно! В балочку ту самую герой шасть, скок-поскок в кусты, только его и видали. На бурьяне клочками шерсть, да у ястреба полон клюв, чем, супостат, и сыт остался. Хотел было по нём стволы разрядить, да пожалел; такой же, думаю, неудачник, как и я. Будем жить!

Слушая старика, Тужилин обратил внимание, что тот с лукавинкой следит за его реакцией на рассказ, как бы ожидая от него согласия, мол: да, такое случается, другой раз и прозеваешь, с кем не бывает. Прозрачно намекает? Впрочем, это, может, только казалось, было предубеждением, а старик и в мыслях не имел ничего такого, просто делился своей занятой историей. Но Тужилин почувствовал – кровь прихлынула к лицу, щёки загорелись, как будто его уличили в чём-то таком, что он долгое время таил, и вот неожиданно открылось, стало явным. Привычка краснеть сохранилась с юности. «Как мальчик», – упрекнул он себя и принуждённо посмеялся рассказу, маскируя свои чувства.

– Сегодня решил бобров проведать... Знаете их плотину на Каменке, выше кринички? – «землемер» опять оценивающе посмотрел на «тоже охотника».

В ответ Тужилин поморщил лоб, как бы припоминая, и, вскинув брови, согласно закивал, отведя глаза. Ему неловко было признаться, что не только не знает, даже и не подозревал о существовании ни кринички, ни плотины. А ведь он считает себя знатоком этих мест. Да и Каменка – что это, где?

Словно угадав его мысли, старик пояснил снисходительно:

– Речушка из Павловского болота; сначала канава мелиоративная, а потом – Каменка. В неё ручей Бабка впадает, на котором Фроловское озеро... Теперь, правда, уже бывшее, а какое чудесное было озеро, пока не спустили, – сокрушённо качнул он головой. – Я эти места не раз пешком обошёл, шагами измерил...

– Не зря, значит, «землемер»? – ухмыльнулся Тужилин. – Так что ж бобры?

– Бобры-то? Бобров тоже не стало. Раскушали многие бобрятинку-то, да и струя в цене. Ольху по берегам вырубил – «царские дрова». Ничего не стало...

– Пошли бы в другое место. Не всюду же так?

– Э-э-э, любезный! Нынче не как прежде – иди куда глаза направил. Нынче сюда нельзя, а туда не пускают. Выбор не широк, вот и приходится по выбитым следам...

– Однако же ходите, не надоело.

– Сам на себя удивляюсь: неужто этим отравлен? Вижу, что всюду поруха: палы весной, рощи вырубают, реки мелеют. Да вы, если охотник, и сами знаете. Борщевик степной, мираторговские загородки повсюду... Не ведаем, что творим? Ведаем! И пощады не будет, за всё поплатимся. Кстати, процесс пошёл: пожары, наводнения, эпидемии... Сердцу больно, а всё одно тянет. Да и привычка: как ни крути, а больше полувека с ружьём, шутка ли! Хоть крохами оставшимися насладиться. Этим и жив.

«Землемер» забрал с капота ружьё и лёгким поклоном дал понять: добавить к сказанному ему нечего.

КОЕ-ЧТО ИЗ ЖИЗНИ ПТИЦ

Очерк

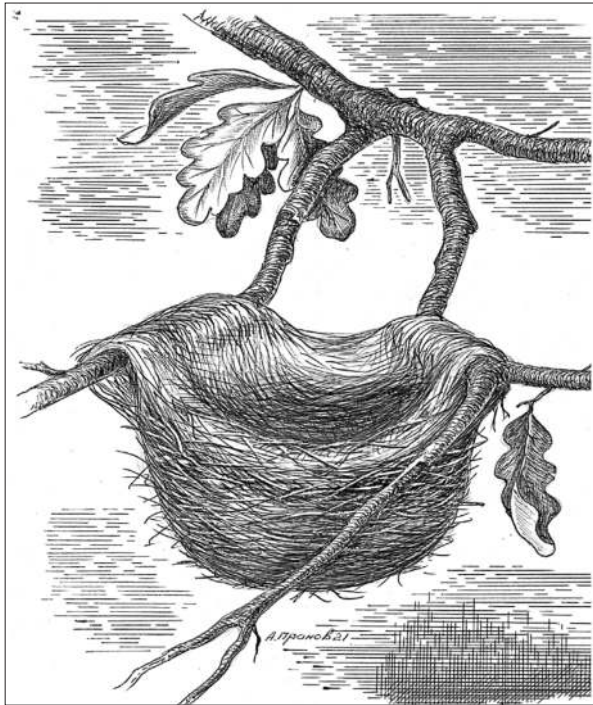
Для того, кто редко бывает в лесу, и благодатным летом он может показаться неудобным и даже враждебным: отсутствие торных тропок, густые заросли, частый валежник, клещи, комары, липкая паутина... Ещё и дикие звери, для которых лес – родной дом, а вторгшийся в него посторонний – нежелательный гость! Всё это нужно принимать в расчёт, отправляясь в лес за дарами природы или просто на прогулку. Но тому, кто входит под полог деревьев с чистым сердцем и жаждой открытий, всё это нипочём, – тому лес постепенно открывает свои маленькие секреты и великие тайны, становясь источником истинного наслаждения.

Начиная с ранней весны и до осени, когда большинство певчих пернатых уже перемещаются в более тёплые края, наши леса наполнены птичьими голосами. Но вот загадка: можно целый день бродить по лесным зарослям, упиваясь непрерывным разноголосьем, видеть самих крылатых «солистов», но не встретить ни одного их гнезда. Даже при специальных поисках с трудом удаётся обнаружить обустроенное птичье жилище, тщательно замаскированное от посторонних глаз. У птиц хватает врагов и они, птицы, прячут свои гнёзда в густой траве, в зарослях кустарников, среди частых ветвей, под оставшей от ствола корой, под нависшими корнями вывороченного дерева... – словом, в хорошо укрытых местах. Да ещё и камуфляж под цвет окружающей среды – пройдёшь рядом и не заметишь! Но бывают случаи...

Однажды в августе, пробираясь сквозь лесную чащу с густым подлеском, я на уровне глаз заметил птичье гнёздышко, надёжно приплетённое стенками к гибким ветвям молодого дубка. Не имея снизу никакой опоры, это сооружение висело, напоминая бильярдную лузу или маленький гамак. Гнездо пустовало: к августу птенцы уже вырастают, хорошо летают и не нуждаются в тесных «яслях». Но кто так умело построил его? Хорошо рассмотрев и запомнив конструкцию гнезда, уже дома я обратился к справочнику по орнитологии...

Иволга... Что знаем мы об этом голосистом обитателе наших лесов и парков? У многих название этой птицы ассоциируется в памяти с есенинскими строфами:

*Выткался на озере
алый свет зари.
На бору со звонами
плачут глухари.
Плачет где-то иволга,
схоронясь в дупло.
Только мне не плачется –
на душе светло.*

Плачет? В дупле? – Давайте разбираться...

В нашей средней полосе иволга – обычный гнездящийся вид, каких много. Перелётная птица размером со скворца; оперение туловища и головы золотисто-жёлтое (у самцов) или серовато-зелёное с пестринами (у самок); крылья и хвост чёрные. Полезна: уничтожает майских жуков, долгоносиков, клопов и прочих вредителей. Голос – приятное для слуха негромкое переливчатое пение с выразительной мелодичностью (ну никак не «плачет»!). Гнездится в лесах, реже в парках и садах, причём исключительно(!) в гнездах висячего типа, мастерски сооружая их из подручного (в нашем случае «подклювного») материала. Постройка висячего гнезда на-

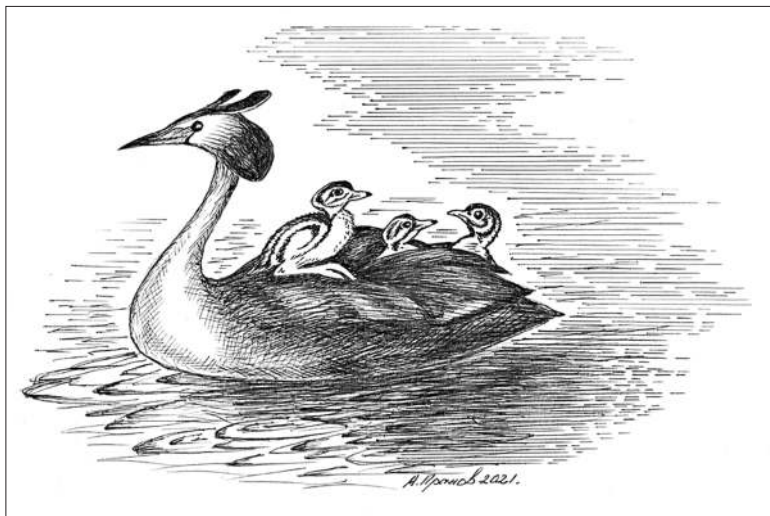
чинается с приготовления иволгой волокон из кожицы дуба, из шерсти, ниток и тому подобного материала: придерживая лапками, птица клювом вытягивает его в длину. Концы образовавшихся волокон обматываются ею вокруг двух ветвей древесной развилки и приклеиваются липкой слюной. Периодически надавливая на дно образующейся корзинки своим телом, иволга углубляет её, пока не получится своеобразный кошель. Ещё не всё! Внутренняя отделка соломинками и травинками, утепление пухом, паутиной, мхом и прочим подобным материалом требует не меньших затрат энергии. Как видим, процесс долгий и трудоёмкий, но обязательный: только в таком гнезде иволга чувствует себя уютно и комфортно, в нём откладывает и высидывает яйца, выкармливает птенцов. А «в дупло» пичугу и калачом не заманишь – факт!

Конечно, и ранние стихи «рязанского Леля» пленяют и рифмой, и особой лиричностью, но правомерно ли настолько исказить действительность в угоду красивой строке? Не уверен. Да и «на бору со звонами плачут глухари» – явно ради «красного словца». Мягко говоря, автор не слишком щепетилен с правдивостью изложения, вольно обращаясь с материалом. Разве глухариное едва слышимое «тэ-ке, тэ-ке» во время мартовского брачного токования похоже на «плач со звонами»? Но Есенин-то описывает пору гораздо более позднюю, чем весна, – на поле уже «копны свежие»! А после весеннего тока глухарь и вовсе молчит... Судя по всему, ученику Спас-Клепиковской школы, готовившей народных учителей «школ грамоты», естествознание давалось трудней, чем стихосложение.

Ну, а про певчую иволгу – голосистого лесного глашатая как наступления весны, так и прихода золотой осени – упоминается и во многих других, не менее красивых, но более справедливых строках. Например, у Николая Заболоцкого:

*...Где прохладной лавиною
Льются листья с высоких ветвей,
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей...*

* * *

У животных (и у птиц в том числе) по-разному проявляется забота о потомстве в случае возникновения угрозы жизни при приближении врага или нападении. Общеизвестно, например, что нежелательно повстречать в лесу медведицу с малыми медвежатами – расправа неминуема. А вот такой грозный хищник, как волк, при обнаружении человеком логова с волчатами, позорно бросает своих чад на произвол судьбы, спасая собственную шкуру. Лосиха уводит своих преследователей подальше от новорожденного телёнка (или пары), рискуя собственной жизнью, но затем обязательно возвращается «на круги своя» покормить беспомощное дитя, затаившееся в зарослях кустов или густой траве. В одном документальном фильме про животных показано, как при переправе через реку мать-антилопа встаёт между своим обречённым на смерть детёнышем и голодным крокодилом. Финал предсказуем: малыш спасён, мать погибла...

Такое достойное уважения самопожертвование распространено и среди пернатых. Описано немало случаев, когда птица старается отвести потенциального врага от гнез-

да или от выводка, притворяясь раненой. Инстинкт самосохранения в таких случаях подавляется, и мать, подвергаясь несомненной опасности, сильно рискует. Она опускается на землю или на воду близко от врага и медленно удаляется в противоположную от птенцов сторону, подволакивая то одно, то оба крыла, принимая беспомощные позы, вводящие хищника в заблуждение. Тот же, соблазнившись лёгкостью добычи, начинает преследование и, сбитый с толку, уходит всё дальше от беспомощного потомства, которое остаётся спасённым. Так поступают утки, некоторые кулики, куриные и многие другие птицы.

Речные чайки смело защищают птенцов, дружно атакуя стаей на представляющего угрозу супостата, сопровождая «психическую атаку» паническими криками и «обстрелом» нарушителя покоя собственными испражнениями. Как правило, поражённая «жидкой шрапнелью» живая мишень с позором ретируется, с отвращением зализывая раны...

Отчаянно и геройски набрасываются на представляющего угрозу и ласточки, и скворцы, и некоторые другие мелкие пахи. При защите гнезда на врага нападают хищные птицы, некоторые из которых, учитывая их массу, крепость клюва и остроту когтей, могут представлять опасность даже для человека.

Необычен способ спасения птенцов от нападения у «нырков» – у черношейной и серощёкой поганок, у чомги. Поганки часто держатся вместе с птенцами на открытых водных пространствах, вдалеке от покрывающих мелководье зарослей, в которых удобно было бы укрыться в случае возникновения опасности. Но они не боятся, что парящий над водоёмом хищник (лунь, ястреб, коршун), спикировав, застанет врасплох: при его к ним назойливом внимании они ныряют и, проплыв под водой расстояние в несколько десятков метров, появляются на поверхности уже далеко в стороне от места старта. А как же птенцы, лишённые такой возможности по причине недостатка сил и опыта? Не поверите: по команде матери слабосильные пуховички мгновенно прячутся на спине родительницы, забиваясь ей под перья. С дорогим сердцу экипажем живая «подводная лодка» и проделывает свой спасительный заплыв. Птенчики при этом плотно держатся под перьями в густом пуху, выставив лишь кончики клювиков, что позволяет матке смело нырять, не боясь растерять драгоценную ношу под водой. Чудеса, да и только...

Удивительную заботу о питомцах проявляют такие крохи, как колибри. Их птенцы, нуждающиеся в постоянном кормлении, в отсутствие родителей более восьми минут сильно ослабевают на холоде и не в состоянии самостоятельно открыть клюв, когда к гнезду с добычей возвращаются их взрослые кормильцы. В отличие от всех остальных птиц колибри приступают к насильственному кормлению и часто возвращают крошек к жизни. Они иногда пытаются кормить даже уже мёртвых птенчиков, в то время как другие пернатые немедленно выбрасывают погибших птенцов из гнезда. Вот бы чей пример распространить на «матерей» человеческих, которые и здоровых-то детей часто оставляют в роддомах и приютах, обрекая несчастных на неприкаянное сиротство.

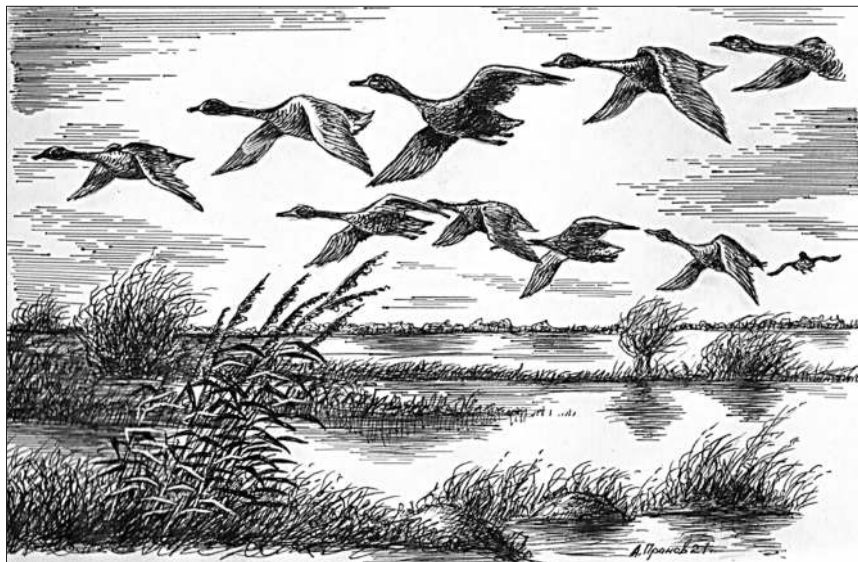
В произведениях многих писателей-натуралистов можно встретить выражение сожаления о напрасно погубленных жизнях лесных обитателей. Вот у Мамина-Сибиряка в рассказе «Зелёные горы» старый охотник возмущается: «Зря бьют птицу. Выбивают маток до Петрова дня, цыплята остаются маленькими, ну, ястреба да лисы их и передеят. Убей матку – всё гнездо пропало». И таких примеров в литературе хватает, жаль,

что мало мы внемлем мудрым предупреждениям, наивно полагая, что «на наш век хватит»...

По разным причинам (климатические катаклизмы, весенние палы, наводнения, антропогенный фактор и т. д.) смертность потомства у пернатых довольно велика. Например, у тетеревов и глухарей она превышает 50%.

Защита родителями птенцов играет огромную роль как в повышении процента их выживаемости, так и в сохранении популяции в целом. Это особенно актуально в свете того, что начиная с 16-го века по самым скромным подсчётам уже безвозвратно исчезло около 150 видов птиц, а «Красная книга» становится всё объёмней. Не преступить бы черту, за которой процесс станет неуправляем. А, может, эта черта уже позади...

* * *

Кто в детстве читал «Серую Шейку», тот, несомненно, помнит с какими переживаниями проходит у птиц подготовка к дальнему перелёту – самому, по мнению автора Д. Н. Мамина-Сибиряка, трудному этапу в жизни птиц. Опытную и заботливую маму Утку тревожили всевозможные опасности, встречающиеся в пути, преодолеть которые суждено далеко не всем. Не только в сказке, но и в научной и научно-популярной литературе до сих пор удерживаются представления подобного рода: перелёт – грозное испытание! Так ли на самом деле? Настолько ли трудны сезонные перелёты для птиц?

На первый взгляд действительно может показаться, что для успешного преодоления огромного по расстоянию пути требуется невероятная затрата энергии и сил. Но более близкое знакомство с характером и условиями передвижения птиц говорит об ином.

Ну, во-первых, перелёты (и весенние и осенние) проходят не «очертя голову», в спешном порядке, а весьма медленными темпами, на скоростях, позволяющих оптимально расходовать накопленный энергетический ресурс – жир. А уж его-то хватает! Розенбаум в своей песне справедливо отметил: «Осенью утка в цене». Крякши в сезон бывают настолько упитаны, что кожа подстреленной птицы нередко лопаается от удара о землю – «Стрелять, так стрелять!»

Не обойтись и без цифр для убедительности. «Крейсерская» скорость во время перелёта, например, у скворца – до 74 км в час, у гуся – около 100 км, у утки – 90 км... Но это скорости, с которыми птицы могут лететь какое-то время! Фактически же, по имеющимся наблюдениям, как стаи, так и одиночные «переселенцы» продвигаются по выбранному маршруту не спеша, преодолевая за целые сутки расстояния, которые могут при желании покорить всего за час полёта. За час! Остальное время они затрачивают на отдых и кормёжку. Естественно, что при таком щадящем режиме весь дальний перелёт занимает длительное время даже у первоклассных летунов. Так, основная масса речных чаек, гнездящихся в средней полосе, затрачивает на перелёт к местам зимовок в район Чёрного и Средиземного морей примерно четыре месяца, продвигаясь в среднем по 10–20 км в сутки. Смешное расстояние. Медленно даже для пешехода, а уж для обладателей крыльев – просто лениво! Соответственно и затрата энергии отнюдь не «колоссальная», приводящая чуть ли не к истощению. Для сравнения, по имеющимся научным данным при выкармливании птенцов пара лазоревок (мелкие синички) проделывает до 35-ти полётов в час, налётывая за день более 200 км! По тем же данным, стриж покрывает для этого не менее 900 км! Куда больше, чем за сутки перелёта.

Нужно признаться: некоторые виды птиц, миграционные пути которых лежат вдали от суши, в состоянии пролетать, не отдыхая, огромные расстояния. Это установлено по нахождению этих «кочевников» во время «привала» на весьма удалённых от суши островах. Хотя бы для кратковременного отдыха выбившиеся из сил стаи охотно присаживаются на встречающиеся по пути круизные лайнеры, сухогрузы... Однако, эти факты (а они, несомненно, имеются!) можно считать исключением из общего правила, так как наблюдаются лишь у некоторых видов и только на отдельных участках пути. Как правило, птицы пролетают медленно, короткими расстояниями, по экологически благоприятным местам, по выверенным маршрутам, затрачивая на весь путь к зимовкам (осенью) или к местам гнездований (весной) целые месяцы. Да, они могут (и не редко!) на этом пути попадать в неблагоприятные условия, терпеть невзгоды и даже гибнуть в больших количествах. Никто от этого не застрахован! Но все эти трудности и трагедии не правило, а исключение в общем ходе сезонных миграций, к которым в ходе эволюции птицы удивительным образом приспособились, как и к трудностям, которые им приходится преодолевать и на родине.

Вывод? Сезонные перелёты птиц, хотя бы и очень дальние, не представляют для них столь трудного жизненного этапа, а тем более стихийного бедствия, как полагали и полагают отдельные авторы. Во всяком случае, это гораздо меньшее испытание, чем вынужденная зимовка на родине в суровых условиях – холод, голод, одиночество, хищники, с чем и столкнулась, если помните, Серая Шейка.

Кстати, в первоначальном варианте сказки уточка не пережила выпавших на её долю тягот, и только слёзы впечатлительной маленькой дочки вынудили Мамина-Сибиряка придать своему сочинению оптимистичную концовку.

А вот реальный случай, свидетелем которого я был в середине девяностых. В Ершичском районе на реке Воронице, недалеко от деревни Глухари, вынужденно остался зимовать лебедь-кликун, раненый браконьером. Лишённая способности летать, птица непрерывно плавала по протоке с быстрым течением, замерзающей лишь в сильные морозы. Любая попытка пленить длинношеего красавца для оказания помощи вызывала у него настоящую панику. Случайные рыбаки и местные жители время от времени подкармливали отшельника, что позволило ему продержаться в экстремальных условиях до середины января. Ему даже кличку придумали – «Челюскинец». Все понимали, что кликуну суждено, если не «снять его с льдины», но надеялись на чудо: а вдруг? Чуда не произошло. Трескучие крещенские морозы поставили точку в этой печальной истории: однажды утром на краю замёрзшей протоки алела кровь, валялись перья несчастной птицы, виднелись хорошо различимые на снегу лисьи следы. Финал далеко не сказочный. Увы...